

СЕМЕЙКА

В ТОМ ЧИСЛЕ...

Ольга БЕШЕНКОВСКАЯ

Штутгарт

Поэт, публицист, эссеист.

Родилась в Ленинграде, где окончила журналистский факультет ЛГУ.

До перестройки как поэт и прозаик принадлежала к альтернативной культуре, печаталась в самиздате и время от времени на Западе.

Зарабатывала на хлеб насущный в котельной, а творческий потенциал реализовала, выпуская литературно-художественный журнал «ТОПКА» (Творческое Объединение Пресловутых Котельных Авторов).

С 1992 года живёт в Германии..

Спустя несколько лет по приезду в Штутгарт, организовала и возглавила журнал русских писателей Германии «Родная речь».

С 2005 года - член редколлегии нового журнала русской литературы «Зарубежные записки».

Член Союзов писателей Санкт-Петербурга, России, Германии.

Автор 10 книг на русском и немецком языках и огромного количества публикаций в альманахах, журналах, антологиях России, Украины, Германии, Франции, Америки...

Из отзывов:

«Именно это соединение, этот сплав собственных стихов и эссе, посвящённых стихам своих друзей, которые тоже сыграли или играют существенную роль в истории петербургской литературы, делают «Петербургский альбом» не просто сборником стихов, а заметным литературным явлением, воссоздающим определённый пласт поэтической культуры Петербурга конца XX века». Б. Никольский. Главный редактор журнала «Нева».

«На меня большое впечатление произвёл Ваш «Венок сонетов». Спасибо ещё раз за прекрасные стихи». Преданный Вам. Е. Эткинд

«Теперь в Германии, Ольга Бешенковская немало делает для связи двух культур, для воссоединения русской литературы, создаваемой в России и в русском зарубежье, в единую картину». Б. Аверин, доктор

филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.

Присовокупив сюда слова Евгения Евтушенко, который в своей антологии «Строфы века» назвал Ольгу Бешенковскую одним из сильнейших русских женщин-поэтов, предлагаю вам, дорогие читатели, её стихи, написанные в Германии.

Знаю: Родина - миф. Где любовь - там и родина... Что ж
Не вдохнуть и не выдохнуть, если ноябрь и Россия...
Лист шершавый колюч, как в ладони уткнувшийся еж,
И любой эмигрант на закате речист, как Мессия...
Ибо обе судьбы он изведal на этой земле:
От креста оторвавшись, он понял, что это возможно:
И брести, и вести босиком по горячей золе
Сброд, который пинком отпустила к Истокам таможня...
Для того и границы, чтоб кто-то их мог пересечь
Не за ради Христа, не вдогонку заморских красавиц;
И не меч вознести, а блистательно острую речь!
И славянскою вязью еврейских пророков восславить.
Зная: Родина - мир... Где любовь - там и родина... Но
И любовь - там, где родина... Прочее - лишь любованье...
Как темно в этом космосе... (Помните, как в «Котловане»...)
А в России из кранов библейское хлещет вино...

Как проста в России нищета:
Нету хлеба - понимай буквально...
Блюдо ослепительно овально,
Как ночного тела нагота.
Вот и эта пройдена черта.
Время - вспоминать сентиментально...

Уходя - не медли, уходи -
Или мозг взорвется в одночасье...
Господи, какое это счастье
Если только юность позади.
А теперь - и Родина... В груди,
Как в стране, - разруха междувластья.

И куда мы каждый со своим

Скарбом скорби... Темен сгусток света.
Постоим. Рука в руке согрета.
Зябко, но не холодно двоим.
И услышим в шорохе руин
Лепет листьев будущего лета...

Интернет заменяет книгу, как интернат - родителей...
Оказывается, шелест страниц был ее содержанием.
Что там лепечут листья?

Ваятелей и воителей

мир вспоминает позже, занят подорожанием.
Вот ведь какое выпало: дальние трогать страны...
Мало того, - эпоху, прежде невероятную.

Впрочем, как все эпохи...

Осенние ветераны
роняют медали наземь. И клятву, уже невнятную...
Кто победил? Не знаю. Наверно, размах строительства.
(Поле, о, поле, кто тебя усеял сплошь лагерями...)
Если в отставку выйдут все на свете правительства,
Бог и сам разберется... (Я ему доверяю).
Буквы дышат под пальцами, как позвонки под кожей.
Помнит ли клавиатура о родстве с фортепьяно?
Впрочем, все формы жизни друг на друга похожи.
Как и её герои: Чапаев - на Д Артаньяна...
Скучно мне, брат Пелевин, чаянья насекомые
не увлекают. Живопись? Черен квадрат монитора.
Дети учатся падать, упрямые, босикомые...
Не в этом ли смысл страдания: саднящий восторг повтора?
Шуршат биржевые верлибры. Поэт начинает ерничать.
Торговые люди крутятся у Библии и Корана.
И в друг вослед Вавилонской - заносчивые нью-йоркские.
О, мир, отшатнись от зеркала - в нем жертвенный взгляд барана.
А как ведь все начиналось... Как это стихотворение:
с технического прогресса и щепотки иронии...
Верни нам слухство и зрячество, Господь, и крупинку Времени:
Все прочее - только к распрям... Имели - да проворонили.

Интеллигенты советской поры
в серых пальто соловьиной невзрачности...

Чистоголосы, тихи и мудры,
и худоба - до осенней прозрачности.

Вздорг от звонка - не плебейский испуг,
но - осторожность: успеем, ребята, мы,
поднакопивши деньжонок, - на юг,
если не в пермскую стынь 35-ю...

Интеллигенты советской поры
слушали ночью «Свободу» и Галича,
спали, готовы взойти на костры, -
было ли это? - Да, Господи, давеча!..

Драма окончена. Занавес снят.

Окна распахнуты! Цепи разорваны!
И диссиденты друг друга бранят,
бывших врагов развлекая разборками.

Интеллигенты советской поры
плаваются в славе как мягкое олово.

Не для того ли нужны топоры,
чтоб не кружились беспечные головы?..

Чтобы чердак - будто царский чертог,
чтобы весь мир - в темноте - кинолентами...

Полнятся Запад, и Юг, и Восток
старыми русскими...

Интеллигентами?

Зависть и злоба, возня за чины.

Вот ведь: свободны, согреты и денежны...

Хоть на четыре кричи стороны:

где же вы?

Где же вы?

Где же вы?

Где же вы?..

Эти взгляды в чужие кошелки и зависть, и спесь,
по которым советских везде узнаешь эмигрантов...
Весь нехитрый багаж их, похоже, покоится здесь:
в настороженном виде и в странных повадках мутантов...
Это надо же как размело-раскидало народ:
одичавшая армия ленинцев бродит по миру
и дивится, что здесь все не так уж и наоборот -
соблазнитель пир, но чужим не положено к пиру.
Вот и мнится Россия непаханным полем вдали,
Зарастает крапивой и всяческим чертополохом.
Господа диссиденты, мы сделали все, что могли:
отдыхает земля и готовится к новым эпохам...
И придут инженеры точнее немецких часов,
и поправят кресты элегантно-французские внуки.
Зубы ломит колодезной. Сорван железный засов.
А теперь - помолись - за ремесла, стихи и науки!..

О смерти - рано... Поздно - о любви.
Жизнь пересохла как зубная паста.
Не пошлость ли: салатом оливье
закусывать печаль Экклезиаста?
«Свеча горела»... Все еще горит.
Сквозняк росток светящийся колышет.
Блажен, кто о пустом не говорит.
Он, может быть, сподобится... Услышит...

Капли дождя дрожат на губах тюльпанов.
Город безлюден по случаю воскресенья.
Что же нам делать, друже? На дне стаканов -
горечь былого и новые опасенья.
Ну, потеряешь сдуру ладью - за пешку,
сменишь страну, жену или даже имя...
Сколько уж раз из могилы срывался - в спешку;
и - столбенел: на Садовом кольце и в Риме...
Носим, на мир пеняя, свое - с собою.
(Разве не так же солнце щемит повсюду?).
Коли нашло - встряхнись, переклей обои
или хотя бы просто помой посуду...

Я не люблю депрессий в начале лета
и в середине жизни, и в новом доме.
Мужество - это, верно, удел поэта.
Флейта слепого... (А что остается, кроме?..)
Ну, прощевай... (И на посошок - из крана...)
Жизнь коротка, хоть и тянется нестерпимо.
В каждом бутоне саднит ножевая рана.
Не бередить. Кто добр, тот проходит мимо...

Ирина ОНИ
Дюссельдорф

Предновогодняя газета «Русская Германия», она же «Русский Берлин», она же «Рейнская газета» повеселила своих читателей, обнаружив увидевшие по вине корректоров и не увидевшие, благодаря их доблестной работе, свет ошибки, а также «прикольные» фрагменты писем из читательской почты за 10 лет... В этом же номере появился святочный рассказ редактора «Рейнской газеты» Ирины Они, который я с любезного разрешения автора предлагаю вашему вниманию.

Трешка, трюльник, три рубля

Рождественская история в советском антураже

В ночь на 24 декабря 1980 года, когда на душе было темно и уныло, я слышала чудный ангельский голос. Бархатный, вдохновенный баритон. «Ира!» - уверенно и решительно позвал он. Прямо в ухо. Причем, не с наружи, а как будто изнутри. Поверите ли, столько было в этом едином слове утешения, нежности и любви, что я ни на секунду не усомнилась: это посланец Высших Сил. И приготовилась слушать, что же дальше - поучение, предупреждение, предсказание? Но более Ангел ничего не сказал - улетел.

Вспугнули его домочадцы. Муж-химик уходил на работу -за 120 рублей скрещивать в НИИ жутких бактерий и производить адские варева. Поволок упирающегося шестилетнего сына в детсад. Тот захныкал, произнес трагически, как какой-нибудь герой чеховской пьесы: «И так всю жизнь?!». «Нет», - ответил муж, - «В будущем году - в школу. Потом в институт. Дальше - на работу». Ребенок зашелся в рыдании. Хлопнула входная дверь. Тучный кот по имени Коша прыгнул на журнальный столик - и тот с грохотом рухнул. Коша взвыл от ужаса. Само по себе включилось радио и бодро объявило: «Опять двадцать пять!». И я окончательно вылетела из сна - в реальность.

Каждому, кто просыпался декабрьским мутным утром 1980 года в городе Ленинграде, в комнате с низким потолком и ободранными обоями, с потертой мебелью, с невыразительным видом из окна - на точно такие же окна, плоское сероватое небо, тощие черные стволы деревьев и белесую пургу, хотелось тотчас снова закрыть глаза. И я - не исключение.

На минуту я снова зажмурилась. Но Ангел уже не появился, а свинцовая мерзость тогдашней моей реальности всей тяжестью навалилась на меня. За квартиру год как не плачено. Сегодня пропесочат на правлении кооператива. Скажут, что такие, как я, недостойны звания жильца нашей пятиэтажной кооперативной «хрущобы» на проспекте Космонавтов. Нету у меня денег, скажу, как хотите. Хоть режьте. Отныне считайте, что я не жилец. Я попыталась снова выпасть из реальности. И услышать Ангела.

Но не Ангел - Коша замыкал под ухом, кланчил рыбы. Священное мое животное проголодалось. Сгонять в магазин за минтаем? И крошке-сыну бы мяса. Жаль, дружище Коша, что мы - не верблюды. Верблюд месяц, а то и два не жрать может - а мы, брат, помрем. Он колючку какую-нибудь сжует, камушек полижет - и сыт. Вот это благородное животное!

Коша смирился, заурчал, примостившись у меня под боком.

Мне ведь голос был, он звал утешно. На что-то намекал. Что-то не договорил. Не сказал, как жить, где денег брать.

Вспомнила: у меня же есть три рубля! Вчера стрельнула трешку у Тишки. Тишка богатая - зарплату получает - и может дать другу трюльник до получки. До собственной, конечно. Потому что у меня получки никогда не будет. А гонорар - только через месяц, зато огромный - 50 рэ.

Вспомнив про трешку, я аж весело подскочила на пружинах, выпиравших из древней кушетки, и бросилась в прихожую. Полезла в карман кроличьей шубейки, проверять, не приснилась ли мне трешка. Нет, вот она, лежит, обсыпанная табачными крошками - мощная советская валюта. Рубля, конечно, советскому человеку мало. Но с трешкой жить можно. Я стала прикидывать. Минтая - Коше. Мяса - Антоше. Хлеба и яиц - в дом. Сходится! И тут я в ужасе вспомнила: если сегодня же не заплачу за телефон, отключат его к чертовой матери. Отрежут меня от мира. Зажав трешку в кулаке, я снова принялась считать: «Рубль пятьдесят - телефон, немного рыбы - Коше. Антоша поест у бабушки. Останется на хлеб и молоко. А на сигареты?!».

Тут зазвонил телефон. Ошалев от радости, что он еще живой, я ринулась на кухню и рванула трубку.

-Какие новости в Париже?

Хриплый, прокуренный до полной низости голос, совсем не похожий на ангельский, звучал бодро. И вызвал у меня радостный прилив сил. Это была Ирка, по прозвищу Жабка, подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя. Она была меня лет на двадцать старше и, как мне

казалось, раз в двадцать мудрей. По крайней мере, она знала толк в «войне полов». На этой войне я была еще мало обстрелянным капитаном, Жабка же - опытным генералом, получившим тяжелые ранения в кровопролитных сражениях и, несмотря на серьезный возраст и усталость, не покидавшем поля боя. Каждое утро Жабка звонила мне и заколдовывала упоительными афоризмами и парадоксами. «Мужчина - как печка-буржуйка в блокадную зиму, - изрекала она, - топишь драгоценными нотами, ценными книгами, а тепла получаешь чуть-чуть». Или: «В мужчинах меня интересует только интерьер, все остальное у меня есть». Да, все остальное у нее было.

- Ирка, у меня два рубля есть, давай кофе выпьем в «Сайгоне», - предложила Жабка, - и по коньячку.

Маленький двойной без сахара, да еще с коньячком, на углу Невского и Литейного, в компании милого моему сердцу левого сброда - художников, алкашей, хипарей, поэтов! Чем еще можно было прельстить меня в этот унылый декабрьский день?

- Да не могу я. Мне в сберкассе надо платить. Телефон отключат. И рыбы коту куплю. Трешку вон стрельнула.

- Да брось ты, во зануда! Сегодня же Рождество. Католическое. А я, между прочим, католичка. Пошли в костел, а потом выпьем!

Жабка всегда и все врала, романтизируя свой образ - то она прикидывалась чахоточной, то припадочной, то роковой, то безумной. В последнее время Жабка играла Диссидентку. И доигралась. Опасная игра погубила ее, а заодно и меня. Еще год назад мы работали советскими журналистами, она - в комсомольской газете, я - в пионерской, с огнеопасным названием «Ленинские искры». Получали зарплаты. Питались в престижном буфете «Лениздата». Теперь же мы обе были свободны и от труда, и от зарплаты. И от питания. Я еще таскалась в журнальчики и что-то туда крапала, Жабка же, как на работу, таскалась исключительно в Большой дом. А накануне допросов сидела на моей пятиметровой кухне, и сигарета мелко дрожала у нее в руке. «Отсиджу, где надо, и вернусь» - мрачно шутила Жабка. Жабка страшно провинилась перед советской властью: все ее результативные встречи с молодым любовником проходили на конспиративной квартире, где складировались всякие жуткие вещи - Солженицын, Авторханов и прочие. Конечно, необычайно смело заниматься любовью на бандеролях с диссидентской литературой. Но все бы, может, и обошлось, если бы Жабка не прихватывала с собой книжки и журнальчики. Пижонка-Жабка читала Солженицына в буфете Лениздата в окружении жующей эскалопы партийной элиты, и давала его читать паре-тройке партийных товарищей, которые и настрочили на нее пачку доносов.

Сначала со службы турнули ее. А через пару месяцев - меня. За то, что я со всякой нечестью вожусь - с нею, Жабкой, левым художником

Белкиным и с американцем Тимом, который был любителем русской словесности и песни «Черный ворон, что ты вьешься над моею головой...». Выпив водки и скорбно закатив глаза, он исполнял ее с потешным акцентом.

- Ну, ладно, чеши в сберкассу. А я краситься буду. У меня в пять свидание. Надеюсь, результативное. Гадостей у нас в жизни - целый тугой кочан капусты. А ты шинкуй его потихоньку, - посоветовала Жабка.

И я стала шинковать. Натянула на себя шмотки, готовясь к марш-броску сквозь холодную метель и колючий ветер. Но прежде - что меня дернуло? - решила совершить материнский подвиг - отгладить сыну белую рубашечку. На завтрашней Новогодней елке в саду ему предстояло прыгать зайчиком. Рубашка была пересохшая и сморщенная. Я выплюнула на нее воды. И тут заметила, что из кармашка торчит какая-то бумаженция. Это был лотерейный билет, который кто-то подарил сыну на день рождения. Боже! Я выстирала и его! Да и плевать, подумала я, что с него толку. Но тут Тот Самый Голос опять громко и отчетливо произнес: «Ира!». А вдруг? Вчера же, вроде, был розыгрыш - пронеслось в голове - Чем черт не шутит! Тем более, перед Рождеством!

И я тщательно выгладила лотерейный билет.

Если б не наличная трешка и не страх, что отключат усладу жизни - телефон, никакая нелегкая не выгнала бы меня в этакую пуржищу из дому. Но, прихватив трюльник, а также выстиранный и выглаженный лотерейный билет, я, подхваченная попутным ветром, полетела в сберкассу.

Очередь состояла из неспрадных, молчаливых пенсов в мокрых заячьих шапках. Я заплатила за телефон. И подошла к столику, на котором лежали газеты с результатами лотерейных розыгрышей. Над ними угрюмо склонились граждане и елозили пальцами по газетной бумаге в поисках своих номеров. Я, стыдясь застиранного билета, украдкой взглянула на его номер и тоже стала отчаянно елозить. И - о чудное мгновение - палец уткнулся в мой номер! Нет! - забилося сердце. Да, Да! - забилося оно еще сильнее. Это был выигрыш - часы золотые или позолоченные - за 250 рублей!

О, что же теперь? - встревожилась я. Ведь не признают же мой билетик стираный! Я снова робко, с бьющимся сердцем встала в очередь.

- Ребенок вот играл, билетик выстирал, - заикаясь, промямлила я, - а он-то выигрышный!

Толстолицая тетка в окошке брезгливо осмотрела мой чудесный билетик, какие-то бабки с любопытством и завистью заглядывали мне через плечо. «Номер-то есть?» - подозрительно прошамкала одна.

- Езжайте, девушка, к метро Московская. В главную сберкассу, - вынесла приговор тетка в окошке, - там вам билетик подтвердить должны.

Через каких-то пол часа я уже была у другого окошка и протягивала билетик другой тетке, которая быстренько сверив его с газетой, буднично спросила:

- Вам часами или наличными!

-Наличными! Пожалуйста! Часы у меня уже есть! - выкрикнула я.

И тетка положила на блюдечко, кажется, даже с голубой каемочкой, ровненько 250 рублей.

Унылые люди в очереди просияли лицами и заплодировали. А Ангельский голос на сей раз нежно шепнул мне: «Ира!»...

Я заплатила за год за квартиру и хотела купить себе зимние сапоги. Но сапог в магазине не было. Зато я купила много еды к Новому Году - мяса, колбасы, водки, шампанского и пирожных. И минтая - Коше.

А утром 25 декабря я полезла в карман и обнаружила, что у меня еще осталась трешка. И я поняла, что выживу.

Светлана КУРАЛЕХ

Донецк

Автор восьми книг стихов для взрослых и детей, заместитель директора по творческим вопросам Донецкого областного театра кукол. Публикуется в украинских, российских и зарубежных газетах, альманахах и журналах. Член Национального Союза писателей Украины, Заслуженный работник культуры Украины.

«Поэзию Светланы Куралех отличает уравновешенность чувств, согласие с миром, внутренний оптимизм. Во времена, наполненные катаклизмами и трагедиями, она умеет избрать способ жизни. По характеру дарования С. Куралех - лирик с примесью лёгкого и приятного юмора. Стихи её интимны, но не замкнуты, а раскрыты миру, открыты современности».

Давид Самойлов

«Чем больше читаешь её стихи, тем больше утверждаешься в том, что она относится, как к дому, ко всему миру, ко всей Вселенной, где она готова пожалеть и позаботиться обо всех и о каждом. Даже об ангелах, о которых мало кто заботится. Это не от сентиментальности, это, скорее, от душевной силы". *Светлана Платоненко.*

«Территория души в стихах Куралех открыта, но никто не обещает увеселительных прогулок и необременительных экскурсий». *Владимир Калиниченко.*

«Я не знаю, как ей это удастся: еще в юности понять, что жизнь - театр, что «место действия - комната, здесь же и сцена», связать с театром судьбу и одновременно быть такой пронзительно искренней и естественной? Но

почему-то получается так, что простота и неприязнательность сообщают стихам Светланы Куралех поэтическое очарование. Может быть, так происходит потому, что в них есть недоговоренность, позволяющая уловить приглушенные обертоны, смутные тени непроявленных чувств. Потому, что в них есть мягкая, грустная улыбка. И озорство. И самое, на мой вкус, притягательное – легкая ирония во взгляде на мир и на себя самое. Именно ирония помогает не подниматься на цыпочки в минуты высоких переживаний и скрашивает повседневные впечатления...». *Оксана Орлова.*

Недавно в библиотеке донецкого журнала «Дикое поле» у Светланы вышла новая книга (?), где собраны её лучшие стихи от конца 60-х до дней сегодняшних. Полистаем же не спеша книгу жизни поэта...

ОСЕТИНСКИЕ НАПЕВЫ

В том замке, старинном, огромном,
хозяин невесел бывает.
В собрании пьес многотомном
он все мои письма скрывает.

То в кресле он дремлет нескладном,
то к ужину мрачно выходит
в том замке, старинном, громадном,
где кошка сиамская бродит.

Там воздух пропах мандарином,
что зреет, на солнце пылая.
В том замке, огромном, старинном,
всего-то однажды была я.

Там горный пейзаж исполинский
от Бога пролёт до порога...
Там к ужину сыр осетинский
я б резала тоньше немного.

Владимир ЛАНЦБЕРГ
Нюрнберг, 1948 - 2005

Не стало барда и поэта Владимира Ланцберга.
Я познакомился с ним лет пять назад в Донецке. Сначала, побывав на двух его выступлениях и пообщавшись с ним после них, затем – более тесно

- на «мюнхгаузенском» фестивале бардовской песни «32 мая», организованном в Святогорске донецким бардом и предпринимателем Вадимом Гефтером, где Ланцберг проводил мастер-класс и был председателем в жюри. Потом время от времени выдались в Германии опять же на фестивалях да на его концертах. Мы не были друзьями: своё отношение к Владимиру Ланцбергу я могу охарактеризовать как симпатию и глубокое уважение к его личности и таланту.

Во втором выпуске «Семейки» читатель мог прочесть иронические стихи и прозу Ланцберга. В ближайших номерах я намерен опубликовать стихи и песни, а также его исследование творчества барда А. Краснопольского.

Вдова барда Ирина предоставила нам его последнюю песню, которую вместе с прощальным словом Михаила Кордонского я и предлагаю вашему вниманию.

О странность не ищущих выгод...

29 сентября 2005 года умер Владимир Ланцберг. У него было редчайшее свойство личности - овеществляющаяся харизма. Вокруг него возникали неформальные сообщества. Полезнейший бы инструмент для политики, которой Берг никогда не грешил. Люди собирались вокруг его песен, стихов, педагогических идей, но вокруг ЕГО, а поэзия, музыка и идеи являлись не более чем носителями человеческого феномена. Если бы Берг занимался выращиванием картошки, то вокруг него происходило бы то же самое. Может, часть людей была бы другой, но не такая уж большая часть. Без сослагательного наклонения: в истории уже так было, в начале 80-х, когда Берг стал вместо песенок и поэтического самиздата (во всяком случае, в значительный ущерб им) заниматься педагогической деятельностью. В его детском "Клубе маленьких фонарщиков" были фотолаборатория, туристский кружок, отделение филателистов и нумизматов, радиотехники (по образованию Берг инженер-электронщик). Был ВИА - так тогда осторожно именовали рок-группы, впрочем, у Берга и его учеников стандартный комплект "ритм-бас-соло-ионика" ухитрялся звучать джазом. Были и использовались по назначению инструменты слесарные, столярные, малярные. И книги, конечно, много книг, свободно даваемых почитать с самозаписью в тетрадке, из Берговского дома, который для воспитанников клуба был не менее законной территорией, чем для его собственных детей.

И чему можно научить без утвержденных Минпросом планов и программ? Со свободным посещением - когда хочешь, тогда и приходи учиться. С перебеганием от электрогитары к фототобачку с проявляемой из похода пленкой. Этим детям сейчас по 30-35 лет. Самые яркие и типичные, составлявшие ядро бывшего клуба, работают в местном спасотряде МЧС, плотно занимая командные и технические должности. Когда поступает вызов - кто-то в беде! - а в баках нет бензина, они скидываются из своей зарплаты и ЕДУТ. Вторая по плотности генерация в разных "альпстроях" - высотные и монтажные работы. Третья - в учителях. Никто их ЭТОМУ в клубе не учил. Как говаривал Берг: "Невозможно воспитать слесаря, как невозможно выучиться на подлеца".

Пассионарность Берга, зашкаливая за ранги теории Гумилева, распространялась не только на контактную группу - он был заражен через посредников. Созданные Бергом группы саморазмножаются, движения ветвятся, образуя сложную переплетенную сеть сетей, последователей, продолжателей. Иногда часть их съезжается вместе на несколько дней, чтобы потом разнести по русскоязычью вирус Берга, и на следующий год привозят с собой новых; или вообще приезжают совсем другие люди, еще не видевшие Берга? И теперь уже никогда не увидящие. Но с его смертью сообщества продолжают жить: слеты "Второй канал" и "Детская поющая республика" состоялись в 2005 году, время их подготовки и самих действий Берг провел в больницах, не всегда в сознательном состоянии. Сколько они, сообщества, проживут? Это уж сколько на роду написано, в статистических пределах - от уже минувших средних лет до долгожителей. У них теперь есть другие лидеры: онкологический финал биографии Берга подготовил их к смене поколений.

Личность Берга притягивала к педагогическому сообществу энтузиастов-альтруистов. Казенного слова "волонтер" тогда еще не было, а теперь оно в Берговских сообществах не в ходу. Берг сумел обеспечить детей общением не только с собой, хотя и это уже немало, но и с кругом талантливых, неравнодушных и, главное, бескорыстных взрослых.

Один умный, известный и авторитетный человек назвал созданное Бергом сообщество "тоталитарной сектой". Этот титул дорогого стоит! Он давно потерял первоначальное словарное значение. Им сплошь и рядом называют сообщества, не имеющие никакого отношения к религии, а официальная церковь утратила прерогативу присвоения этого звания: это делает любой журналист по своему разумению и никто его не клеймит и не наказывает - нет на то ни закона, ни практики. Употребляется он и просто в быту, чаще -

среди образованной части населения, но все шире идет в массы. Кроме негативного звучания ярлыка, клейма, у него есть вполне определенный смысл. Так называют любое неформальное сообщество или организацию, которая создает реальную конкуренцию властям всех ветвей и мастей (государственной, криминальной, финансовой, феодальной) в области владения людьми, подавления людей, управления людьми. Даже если сообщество по численности мало, претендующие на монополию медиакраты его боятся.

Педагогическое кредо Владимира Ланцберга изложено в лучшей его статье в "Русском журнале":

«Любите детей долго и нудно! А я их ненавижу. Всю свою псевдо-, квази- и просто педагогическую деятельность посвятил истреблению их как вида. Я из-за них плохо живу. Они ничего не знают, не умеют, не могут, ни за что не отвечают, но хорошо плодятся и быстро растут. Я все время утыкаюсь в них и от них завишу. Один (в униформе крысиного цвета) меня шмонает как лицо зулусской национальности и знать не желает, что этого делать нельзя. Другой (в кабинете крысиного цвета) не хочет мне что-то разрешить, потому что какой-то папа не сказал ему, что это можно. Поэтому, пока дети еще маленькие, их надо изводить. Потом поздно будет: им понравится быть детьми. А пока что большинство из них мечтает стать взрослыми. И тут появляюсь я.

Я ему скажу: пойдём со мной, и ты станешь взрослым».

В середине 90-х Владимир Ланцберг стал членом Союза писателей России. Самиздат, в объеме которого он был на порядок больше редактором и издателем, чем автором, превратился в поэтические и нотные издания узкого спроса. Их не признают ни консерваторские эстеты, ни широкие массы. Но в детских и молодежных лагерях, когда не случается под рукой киловаттных колонок, а есть только звуки леса, прибоя, реки и уют огня, тогда в торчащих на роке подростках просыпается дремучее человеческое. Они на чуть-чуть подзабывают «Гражданскую оборону», которая «вообще рулез», но хором ее неудобно, и поют нечто, не помня где услышанное, не зная автора, не зная жанра, не зная толком себя: "Послушай, парень, ты берешь нелегкий груз!"

Вослед

Когда я решу, что уже устал,
что мне и так повезло,
в углу отыщу обломок шеста
и треснувшее весло.
Стараясь впотьмах углов не задеть,
из дому выйду один.
С шестом и веслом я спущусь к воде,
а ты за мной не ходи.

Вослед запоздало рванет молва
собачьей сворой в ночи.
Вослед полетят камнями слова -
знай свое дело, молчи.
Меня укроют густая тьма
да неба дырявый плед.
И пусть, кто хочет, сойдет с ума,
но ты не беги вослед!
Но ты не беги вослед!

Где подгребая веслом, а где
отталкиваясь шестом,
плыву, гадая по звездам в воде
о том, что будет потом.
Но что же случится потом, когда
все уже позади?
До моря меня донесёт вода,
но ты мне вслед не гляди.

Вослед пусть клен, растопырив ладонь,
крикнет: «Считаю до трех!»
Вослед исторгнет лиловый огонь
лохматый чертополох.
И вздрогнет сетка твоих морщин -
тьнь наших нелегких лет.
Ты только не жалуйся, ты молчи
и не спеши вослед!
И не спеши вослед...

16 -18. 03. 05.

Владимир ВАСИЛЬЕВ

Харьков

В детстве меня, спасая от послевоенной бескормицы, запихивали родители на всё лето в Святогорский пионерлагерь. Как следствие первые числа июня и последние августа тех далёких лет оглашались моим ревом. Сначала из-за нежелания ехать, потом из-за нежелания уезжать. В последнем случае плач был особенно горьким, ибо автобусы отбывали из лагеря под духовой оркестр с неизменным рвущим душу «Прощанием славянки». До сих пор при звуках этого марша у меня перехватывает горло. Другие марши - нормально, а этот...

Впрочем, однажды ещё один марш довёл меня до стыдных недетских слёз... Случилось это накануне моего отъезда в Германию в донецкой филармонии на концерте авторской песни. Завершая его, барды хором грянули «Когда я был щенком и верил в грёзы детства»...

Написал этот широко известный марш харьковский бард Владимир Васильев, автор многих пластинок и дисков, публикаций в журналах, альманахах, антологиях, книг стихов «Бытовой романс» (Харьков, «Крок», 1998) и «Тока не закончилось время...» (Москва, «Локис», 2002).

«Первую песню он написал в 30 лет, когда казалось, что его поезд в мир авторской песни ушел далеко и безвозвратно. Вскоре выяснилось, что среди многочисленных светил на песенном небосводе существует ни на кого не похожая блуждающая комета по имени Владимир Васильев. Бог дал ему все: прекрасный голос, композиторский талант, умение серьезно и профессионально работать со словом. Поэт, музыкант, артист — вот составляющие таланта Владимира Васильева.

В.Васильев любим не только публикой, но и бардами всех поколений.

Слово А. Мирзаяну: «В.Васильева отличает небывалая широта музыкальной и поэтической палитры. Ему удается все, за что бы он ни брался, Васильев мастер и юмористических, и лирических, подчас трагических песен. Он, будучи полностью состоявшимся поэтом, пишет прекрасные песни и на чужие стихи, находясь в удивительной гармонии с окружающим его миром музыки и поэзии».

*Из альманаха «Авторская песня», № 1, М., ООО «Артель»
«Восточный ветер», 1999.*

Марш

Когда я был щенком и верил в грёзы детства,
Усатым трубачом себя воображал.
Едва услышав звук военного оркестра,
С ватагою дружков я вслед за ним бежал.

Ах, как хорошо! Ать-два!
Руки, ноги, голова!
Души выдувают ртом,
Поднимая пыль столбом,
Лупят, не жалея ног,
Чередую выдох-вдох,
Чтоб по жизни прогреметь, как первый гром!

Сбываются мечты. Вокруг моей фигуры
Обвился, как удав, красавец геликон.
Я музыкой пленил прелестную натуру
И руки нам спаял товарищ Мендельсон.

Ах, как хорошо! Ать-два!
Руки, ноги, голова!
Души выдувают ртом,
Поднимая пыль столбом,
Лупят, не жалея ног,
Чередую выдох-вдох,
Чтоб по жизни прогреметь, как первый гром!

Когда последний марш в последний путь поманит,
Когда меня свезут в одно из тихих мест
И развернут лицом туда, где солнце встанет,
Пусть грянет надо мной подвыпивший оркестр.

Последний солнца всплеск на меди догорает,
Последние шаги притихнут и замрут...
Уходит мой оркестр, но, звуки догоняя,
За музыкою вслед мальчишки побегут!

Ах, как хорошо! Ать-два!
Руки, ноги, голова!
Души выдувают ртом,
Поднимая пыль столбом,

Лупят, не жалея ног,
Чередуя выдох-вдох,
Чтоб по жизни прогреметь, как первый гром!

Анна НЕИЗВЕСТНАЯ

Я завела себе мужчину...

Я завела себе мужчину. Впервые в жизни. У всех моих подруг они уже были, а я как-то обходилась. Нет, конечно, знакомые мужчины у меня в разное время случались, но все они существовали вне пределов моей квартиры, появляясь в ней лишь эпизодически. Но вот однажды...

Утром я вошла в туалет и увидела, что сиденье унитаза поднято. Так началась новая эра моей жизни. В доме поселился мужчина. Хотя сначала я думала, он не приживется: они же капризные... Первым делом он заявил, что раз уж мы решили жить вместе, то пользоваться противозачаточными средствами теперь просто негуманно. Правда, не уточнил - по отношению к кому. Напрашивались три варианта. Любимого, похоже, интересовал только он один. Меня это не устраивало. Я обвинила его в эгоизме и беспечности. Напомнила, что мы живем в эпоху СПИДа. Он сказал, что он не такой. Я покрутила пальцем у виска.

Он запихнул галстуки в чемодан.

Я криво улыбнулась.

Он хлопнул дверью.

Я перекрасила волосы.

Он открыл дверь своим ключом.

- Едва успел до закрытия аптеки. Вот, - протянул тоненькую упаковку.

- А разве ты была рыжей?..

Итак, мы стали жить вместе. Возвращаясь вечером домой, я уже не пугалась, если видела в собственных окнах свет. И уже не говорила в телефонную трубку: «Вы не туда попали», если кто-то произносил его имя. Ко всему прочему моя подушка пахла его одеколоном. Возлюбленный храпел ночью, тянул на себя одеяло - одеяло падало на пол. Ни себе, ни людям...

Он читал в туалете Маринину, а потом кричал в щель: - Бумагу!

- Вырви первую главу! И чтоб я этой дряни больше в доме не видела,
- сердито отвечала я.

А в гостях он цитировал Канта. Ежедневно наступал коту на хвост и ежедневно уверял, что это нечаянно. Учил меня ориентироваться по звездам,

отваживал от дома моих подруг. Зачем-то подарил мне надувную лодку, робел перед моей мамой:

- Светлана Алексеевна...

- Светлана Александровна, - в который раз хмурилась мама.

Он будил меня по ночам поцелуями, умываясь, фыркал. Забрызгивал зеркало в ванной зубной пастой, зимой дарил мне клубнику.

Короче, он был неотразим. В моем доме появились музыкальный центр и гантели. Музыка звучала с утра до вечера. Гантели бездействовали. Тылесоса ковер, мне приходилось каждый раз переставлять их с места на место. Гости постоянно натыкались на них. Соседка Катя сказала, что «эти железяки» портят эстетический вид гостиной. Не выдержав, я предложила убрать этот фаллический символ в кладовку. Любимый воспылал праведным гневом. Напомнил, что здоровый дух бывает только в здоровом теле. И вообще он, оказывается, уже присмотрел подходящую штангу в «Спортоварах».

- Бицепс надо прокачивать, - доверительно сообщил он мне.

Но зато теперь у меня под рукой всегда была пена для бритья. К тому же я могла полноправно участвовать в разговорах подруг на тему «А мой-то вчера»:

- а) до утра играл в компьютерные игры,
- б) целый день пролежал под машиной,
- в) съел недельный запас котлет,
- г) разбил чашку и заменил перегоревшую лампочку,
- д) опять курил в туалете,
- е) сказал, что сериалы отупляют,
- ж) весь вечер смотрел бокс,
- з) спрятал мою телефонную книжку,
- и) ...сволочь и кровопийца.

Короче говоря, совместное проживание с мужчиной приносило массу открытий. Приятных и не очень.

Открытие первое: он - есть.

Открытие второе: он постоянно хотел есть! Кофе и мандаринка на завтрак его не устраивали. В доме появились ненавидимые мною прежде продукты: сливочное масло, сало, сахар, водка, макароны. Рейтинг майонеза взлетел до небес. В женских журналах я стала обращать внимание на кулинарные рецепты. А вечный вопрос «Что приготовить на ужин?» терзал меня почище гамлетовского. Я зверела. Я безостановочно что-то жарила, варила, терла и пробовала. Я поправилась на три кило. Любимый был подтянут, весел и всегда готов к приему пищи. Когда он с фразой «У нас есть что-нибудь вкусненькое?» лез в холодильник через пять минут после обеда, мне хотелось дать ему сзади пинка! И захлопнуть дверцу. Я стала мечтать,

чтобы на прилавках магазинов появились пакеты с надписью: «Еда мужская. 10 кг». Купила - и день свободна...

Открытие третье: он прятал носки. Надеюсь, что не от меня. То, что он их носил, конечно, не было для меня тайной. Свет моих очей никогда не обматывал ноги портянками и не ходил босиком. Он пользовался текстильно-чулочными благами цивилизации, но... Придя с работы, он первым делом выискивал места поукромней и там, как бурундучок заначку, прятал их, предварительно свернув в форме компактных загогулинок. И никакие внушения не могли его заставить относить эти «улитки» хотя бы в ванную. С маниакальным упорством мой мужчина парковал носки под диваном, под креслом и, похоже, готов был отдрать плинтуса, чтобы там схоронить свои сокровища.

Открытие четвертое: он составлял завещание каждый раз, когда у него болел зуб или начинался насморк. Он стонал и охал, как раненый бизон. Он задыхался при слове «поликлиника» и взывал к моему милосердию. Требовал добить его, чтобы избавить от нечеловеческих страданий. Держа меня за руку, он благородно советовал перед продажей покрасить старенький «Опель». И, как настоящий мужчина, сдерживая рыдания на смертном одре, прощался с милыми его сердцу вещами: музыкальными дисками, мобильным телефоном и газетой «Спорт-экспресс».

Открытие пятое: он умел молчать. Он мог целый вечер просидеть перед экраном телевизора и не проронить при этом ни слова. Дай ему волю - он, знающий два языка и имеющий высшее образование, ограничил бы общение со мной тремя фразами: «Доброе утро, дорогая», «Что у нас на ужин, любимая?» и «Иди ко мне...» Справедливости ради надо отметить, что его общение с мамой или телефонные разговоры с приятелями тоже не отличались особым красноречием. А его взаимоотношения с лучшим другом строились на совместном просмотре футбольных матчей и произнесении емких комментариев: - Пас! Пас, я сказал!.. Ну-у говнюк!.. Вить, дай пива...

Открытие шестое: умея молчать, он не выносил тишины. Этого парадокса я так и не разгадала. Мало того, что к музыкальному центру он прикасался чаще, чем ко мне, - он практически никогда не отходил от телевизора, переключая каналы со скоростью света. От начала до конца мой любимой смотрел только новости и спортивные передачи. Все остальное время он щелкал пультом. Картинки в телевизоре мелькали, как в жутком калейдоскопе. У меня кружилась голова. И упаси Господи стать на линию между ним и телевизором. Тут же следовал резкий дипломатический демарш: - Уйди с экрана.

Открытие седьмое: он ревностно охранял свою территорию. Его владениями считались: место за столом - раз и любимое кресло - два. Даже гости не могли сесть на его табуретку в кухне. А бедный кот пулей вылетал

из мягкого кресла, едва заслышав знакомую тяжелую поступь. Я границ не нарушала. Женская интуиция подсказывала мне, что лучше не посягать на мужской трон, его священную кружку и державные тапочки. Зато можно спрятать ненавистные гантели. Или даже сдать их в металлолом - мой драгоценный спортсмен пропажу вряд ли заметит.

Открытие восьмое: надзор и контроль.

- Ты с кем это говорила по телефону? Кто этот очкарик на фотографии? Ты где была с четырех до пяти? Откуда у тебя эти сережки?

- С подругой. Мой брат. В парикмахерской. Ты подарил...

Открытие девятое: я уже не могла часами лежать в душистой ванне. Мой девяностокилограммовый зайчик пытался прорваться в помещение. То ему срочно нужна была зубная щетка. То возникала экстренная необходимость осмотреть уже два месяца текущий кран. То его интересовало, поместится ли он рядом со мной и сколько воды вытеснят при этом наши тела по закону Архимеда. То ему просто было скучно одному, и он постукивал под дверь, взывая к моей совести: - Я страдаю от отсутствия общения!

Но стоило только мне выйти, страдалец тут же удовлетворенно возвращался к своему креслу.

- Эй, а как же закон Архимеда? - спрашивала я.

- Душ приму, - сообщал милый и утыкался носом в газету.

Открытие десятое: у него росла щетина. Росла она, конечно, и до нашего, скажем старомодно, сожительства. Но раньше на свидания мой герой приходил гладко выбритым, а теперь я наблюдала его почти круглосуточно... У меня начала шелушиться кожа на лице.

Открытие одиннадцатое: он не помнил наших праздничных дат. Амнезия. Выборочные провалы в памяти. Он помнил день взятия Бастилии, день техосмотра и день собственного ухода в армию, но дата моего рождения никак не могла закрепиться ни в одном из его полушарий. Впрочем, он пропустил бы даже Новый год, если бы не повсеместный ажиотаж.

- На улицах появились тетки с елками. Пора закупать шампанское, - делал он глубокомысленные выводы.

Открытие двенадцатое: он оказался страшно непрактичен. Он не умел планировать наш бюджет. Уйдя за едой, приносил пять бутылок пива, пакетик чипсов и стаканчик мороженого. Стеснялся брать сдачу. А однажды вместо картошки принес розы. Я только вздохнула.

- Я тебя люблю, - сказал он, протягивая цветы.

Открытие двенадцатое с половиной: он меня любит...

В общем, жизнь с мужчиной - это как игра в шахматы. Непрерывный блиц с не вполне ясными правилами.

- Так конь не ходит. Глупенькая...
- А разве конь ходит не буквой «Гы»??
- Это пусть сосед буквой «Гы» ходит. А я пойду вот так...
- С каких это пор новые правила?
- С прошлой минуты... Я сказал. Ходи, любимая...

Виктор РУБАНОВИЧ

Лейпциг

Виктор Рубанович родился в Харькове в 1933 году. Член Союза российских писателей, автор трех книг литературных пародий и сотен публикаций в отечественных и зарубежных газетах, толстых журналах и престижных альманахах. С мая 2002г. живет в Лейпциге.

Один из главных героев (а может быть, и героинь) его пародийных изысканий - легендарный шотландский дракон Несси из озера Лох-Несс. Автор предлагает читателю представить, как бы о нем (а вполне возможно, о ней) написали широко известные поэты и прозаики, драматурги и критики.

«Я считаю, что кроме Архангельского в нашей литературе есть ещё три природных поэта-пародиста: Юрий Левитанский, артист Леонид Филатов и сегодняшний автор - Виктор Рубанович. Рубановичу, как и выше перечисленным корифеям, не требуется перед пародией эпиграф - для наглядности. Не требовалось бы даже и имя пародируемого, настолько тот безошибочно узнаётся, угадывается». *Константин Ваншенкин.*

К этим словам можно добавить лишь то, что альманах «Семейка» с большой радостью предоставляет страницы столь блистательному пародисту.

ПРО ФИЛА-ЛОВЦА И ЛОХ-НЕССКОГО ХИТРЕЦА

(Леонид Филатов)

Действующие лица:

Потешник

Царь

Фил

Чуда-юда

Король

Честной народ

Потешник

Верьте аль не верьте, а жил в шотландском Птерте Фил-ловец, на все руки спец. И все, что у ево было, - это леска да грузило. Королью - рыба, а Филу - спасибо. Вот как-то раз дали ему приказ - тверезым ли, во хмелю, явиться к королю. А тот глядит на Фила, как вошь на мыло.

Король

Мной сюды, в туманну хмарь,
В гости зван расейский царь,
А у нас занюхать виску
На двоих один сухарь.

В обчем, снаряжайся в путь
Да на закусь раздобудь
Чуду-юду из Лох-Несса,
Ну, и к ей чаво-нибудь.

Фил

Я чавой-то не пойму -
Был вчерась ить харч в дому!
Нешто стрескать можно за ночь
Столько снеди одному?!

Король

Ты мне, Филя, не перечь!
Коли чудой не завлечь,
Дак могёт война с Расеей
Очень даже проистечь.

Фил

Вам виднее наверху.
Так и быть - сварю уху,
Уясняй с царем покуда,
Ху есть кто и кто есть ху.

Потешник

Поплелся Фил к Лох-Нессу безо всякого антиресу. В руках - карта замка Урквардта. Диковин в воде - как сена в скирде, как мух в салотопне, а чуды - нету, хоть лопни. Да ишо - туман, тоже - не фонтан. Вдруг слышит Фил чудин голос - тонкий, как волос.

Чуда

Ты чаво такой смурной?
Аль глисты тому виной?
Аль забрел сюды, Филюша,
По причине по иной?

Съешь-ка пареный планктон
Да испей из мух крющон:
Чай, не химия какая,
Чай, природный глистогон!

Фил

Что за притча - я не хвор,
Чтоб хлебать озерный флор!..
Шугани отседа лишних,
Есть сурьезный разговор.

Чем глотать здесь шницеля
Из личинок мотыля,
Может, сплаваешь со мною
На бенкет до короля?..

Чуда

Я всегда не супротив
Встрячь в сурьезный колефтив,
Только дюже сумлеваюсь
В смысле дальних перспектив.

Фил

Наш король могёт зазря,
Дуя виску чуть заря,
Уморить без закусона
И расейского царя.

В обчем, ты не обессудь
И закуской им побудь -
Государственное дело,
Чай, улавливаешь суть?

Чуда

Хоть мани меня харчом,
Хоть коли меня мечом -
Все одно для их закуской
Я не стану нипочем!

Да к тому ж ишо мой вид
Не внушает аппетит:
Хошь не хошь, а я в науке -
Фициальный индивид.

Фил

Ну, давай морских ежей,
Крабов, вустриц и моржей.
Морж - он ежели в подливке -
Чуды-юды не хужей.

Приложи траву к сему..
Да положи в мою суму!..
Там в Лондоне разберемся,
Кто куды и что к чему!

Потешник

А король с царем пьют стаканами да занюхивают рукавами. Король серчает, Фила по матери величает. При эдакой снеди - как не быть беседе!..

Король

У меня вопрос один:
Ты brunet али блондин?
Аль используешь для масти
Черно-бурый анилин?

Царь

Блин!

Король

Вот расейская душа!
Нет в анбаре ни шиша,
А ему подай, хоть тресни,
Беспременно лаваша!..

Потешник

Идет к королю Фил – волокет чан из последних сил. А король с царем сидят на печи да жуют огарки свечи. С голодухи икают, в окно выглядывают.

Фил

Ну, король сползай с печи
Да руками не сучи.
Я сварил уху из чуды –
Распишись и получи!

Король

Не мели впустую, тать,
Нас уж впору отпевать.
Мы ж с царем тебе не энто,
Чтоб продукт до ночи ждать!

Вот издам чичас закон,
Будешь мне ишо должен
Доказать, что в чане чуда,
Аль насадим на рожон.

Фил

Ты не оченно басы,
Чуда в ём - не иваси!..
Аль - поговори с икспертом,
Аль - у ей самой спреси!

Снаряди в Лох-Несс хоть плот,
Хоть ладью, хоть цельный флот.
До чаво же ты дотошный
В этом деле полиглот!

Король

Зря ты, Филя!.. Для меня
Ты роднее, чем родня.
Без тебя я, друг мой ситный,
Не могу прожить и дня.

Так что больно не серчай!
Вот тебе пятак на чай,
Ну, а будешь гоношиться, --
Съезжу в рыло невзначай!..

Потешник

А честной народ давно уже ждет, чтоб устроить восстанию, как закончит король совещанию. И в среду аль в четверг короля сверг. В обчем, стало и Филу привольно, и чуда довольна.

Гуляет народ на воле. Ему хорошо, а нам - тем боле.

**Висит сосулька на трубе,
как лучик солнышка блестит...**

Перед вами стихи участников литературной студии Харьковского дворца пионеров, которой поэт Вадим Левин руководил в 1960-1980-х годах. Это - лишнее подтверждение истины, что ни возраст создателей, ни годы, прошедшие с момента написания, хорошим стихам не помеха...

Надя ДУРИХИНА, 6 лет

СОСУЛЬКА

Висит сосулька на трубе,
Как лучик солнышка, блестит,
Смеется, улыбается.
А мне невесело. Грущу.
Сосульку мне, как солнце, рукою не достать.
И не позволят пососать.
Мой стишок кончается,
И еще грустней.

ВОРОНА

Все ругают грязных детей.
А что делать бедной вороне?
Умывается каждый день,
а остается черной.

Хоть черная,
но чистая!

Вот какая забавная,
черная как уголек
ворона.

Наташа ПАРХОВНИК, 11 лет

МОРЕ

То ли оно голубое,
То ли салатное вдруг...
Море такое большое -
Заняло полностью юг.

ДУБ

Дуб согнул свое колено,
но не так, обыкновенно:
он нагнулся, чтобы лучше
рассмотреть ромашку в гуще.

Лара ПОПОВА, 9 лет

ОЛЕНЕНОК

Малый олененок,
тоненькие ножки.
Скачет он куда-то
по лесной дорожке.

Чуть увидел он кого,
раз в кусток - и нет его!

Далеко и зверь, и птица.
Олененок, высунь нос!
И куда-то по дорожке
ветерок его понес.

Смотрите, олененок!
Как мал он и как тонок.

ДОЖДЬ

Прошел веселый летний дождь
И на листве оставил дрожь
От капель дождевых.

Лена САЛЬКОВА, 9 лет

ОСЕНЬ

Уже пожелтели березки
и даже нельзя разобрать,
где света ложатся полоски,
а где пожелтевшая прядь.

Лена ФИДРЯ, 10 лет

БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ

Бывает так на самом деле:

Медведи наши похудели.

Им жарко в нашем зоопарке.

И стали, бедные, как палки.

Их кормят, правда, много раз.

Их видят, правда, много глаз.

Но жаль мохнатым и обидно,

Что милой Арктики не видно.

Нина ФИДРЯ, 10 лет

МИШКА-АРТИСТ

Танцует мишутка, а ножками - брык!

Зачем привезли меня в дом этот - цирк?

Зачем я танцую, смешу тут ребят?

Хочу к своей маме, где сосны шумят.

Хочу искупаться в прохладной реке,

Потом кувыркаться в горячем песке,

Искать землянику и соты жевать,

Зимой, как все, я хочу голодать!..

Здесь кормят меня, голодать не дают,

Но чуть провинился - сейчас же побьют.

Занятия наши всю ночь, до утра.

А вечером в цирке опять детвора,

Смеются, шумят, и никто тут не знает,

Что мишенька очень по воле скучает.

Вадим ЛЕВИН

Марбург

ШКОЛЬНИКИ МАЛО ЧИТАЮТ

Когда ребенок становится читателем?

- Школьники мало читают, - жалуемся мы друг другу и сетуем на компьютер, телевидение, молодежную моду и т.п.

А давайте вместо этого приглядимся к тем немногим, кто стал любителем чтения. Приглядимся и попробуем выяснить, как у будущих

читателей складываются в детстве отношения с книгой. Может, тогда мы сможем ответить на вопросы:

- Что зависит от нас, взрослых? Что мы можем сделать, чтобы малыш полюбил это занятие - чтение?

Умение и желание малыша читать важно не только для умственного и речевого развития ребенка, не только для расширения кругозора и умножения знаний. У литературы для детей есть еще особое назначение: она выступает посредником в общении «отцов и детей», духовно сближает представителей разных поколений. А для тех, кто оказался за рубежами России, чтение с детьми, пожалуй, одно из важнейших средств сохранения у младшего поколения русского языка (наряду с освоением языка страны проживания).

Давайте вчитаемся в предысторию первоклассного читателя - и читателя-первоклассника, и взрослого любителя чтения, книголюба.

Предыстория первоклассного читателя

В обычной семье современный ребенок становится читателем задолго до того, как идет в первый класс. Он встречается с книгой, когда еще не научился различать буквы, узнавать в буквах - звуки речи, а в сочетаниях букв - слова.

Более того. Современный малыш, еще научившийся говорить, УЖЕ ЧИТАЕТ! Он читает глазами старших. Дитя воспринимает стихи и сказки, песенки и потешки с голоса близкого взрослого. Поэтому литература и родная речь навсегда связываются в эмоциональной памяти человека с детством, отчим домом, любовью.

А это означает, что первой - прекрасной, - ролью литературы в жизни каждого из нас становится миссия духовного сближения ребенка со взрослым, с предками, родной историей, памятью народа.

Если так взглянуть на материнское чтение, оно перестает выглядеть только развлечением ребенка («чем бы дитя ни тешилось, абы не плакало»). Материнское чтение (рассказывание, пение) не только развлекает малыша, не только развивает детскую речь и интеллект, но и успокаивает, создает у крохи ощущение защищенности, ощущение устойчивости и доброжелательности мира. Более того, это еще и взаимное удовольствие от общения друг с другом родных людей, в котором возникают общее настроение, общие духовные ценности, общее отношение к тому, что звучит в стихах и сказках. В совместном чтении ребенок и взрослый по-особому раскрываются друг другу, становятся друг другу интересней, понятней и нужней!

Отсюда два вывода, которые могут показаться несколько неожиданными:

1. Хороша не та детская книга, которая доступна ребенку без взрослого. Хороша именно та, которая требует участия взрослого в ее восприятии ребенком: взрослый выбирает и предлагает книгу, участвует в рассматривании картинок (даже помогает аккуратно перелистывать страницы), «делится своими читательскими эмоциями», когда читает ребенку, т.е. участвует в детском переживании произведения, а после чтения выступает собеседником ребенка, участвует в детском читательском «послепереживании».
2. Не следует досадовать на то, что маленький читатель нуждается во взрослом соучастнике восприятия книги, что малышу нужно время, чтобы освоить технику чтения и из читателя-слушателя превратиться в самостоятельного читателя. Читательская зависимость ребенка от взрослого – это не недостаток детского развития, который необходимо побыстрее преодолеть. Чтение-слушание – это замечательный этап в развитии Читателя, когда формируются отношения малыша с родными людьми, с родной речью и с книгой, огромный этап читательской предыстории первоклассника, этап, который мы, воспитатели, родители, школьные педагоги, несомненно, должны знать, понимать, ценить и обеспечивать.

Читая вместе с детьми, мы добиваемся большего, чем может показаться на первый взгляд. Хочу поделиться с родителями и воспитателями своими представлениями об этом.

Вкусненькие поросёнки

Начнем с того, что, по крайней мере со времен “Тисьмовника” Николая Гавриловича Курганова (1769 г.) и книг, изданных Николаем Ивановичем Новиковым в 1790-е годы, совместное чтение становится привычным праздником во многих семьях России, Украины, Белоруссии. С тех пор, а, может быть, еще ранее – со времен Симеона Полоцкого (XVII век) или Кариона Истомина (конец XVII – начало XVIII века) семейное чтение радует, обогащает и развивает не только маленького, но и большого читателя.

Однако праздником и школой для детей и взрослых совместное чтение становится лишь при том условии, что мы, взрослые, чувствуем и понимаем маленького читателя-слушателя, учитываем возрастные особенности его общения с нами и с его ровесниками, *исходим из того, что умеет детская книга*. Тогда малыш для нас особенно интересен и удивителен. Тогда нам легко и радостно быть внимательными к нему. Тогда, вслушиваясь в неожиданные детские высказывания, мы не спешим исправлять те, которые

ошибочны (на наш взгляд!), не спешим объяснять ребенку "правильное" (свое!) понимание, а пытаемся увидеть мир его глазами. Ведь многое вокруг нас и в искусстве давно перестало быть для нас новостью и воспринимается нами по памяти, по инерции, по привычке, механически, поверхностно, шаблонно. А ребенок еще не нажил штампов и привычек восприятия. Поэтому дитя может увидеть и открыть нам в реальном или художественном мире такое, чего мы с вами не замечаем:

— Стрекоза была хорошая, веселая, она пела и всех радовала. А муравей был жадный, злой.

Так увидеть «стрекозу и Муравья» вряд ли можно без помощи ребенка. Еще известные примеры:

— Зачем Старик просил у Золотой Рыбки новую избу? Лучше попросил бы добрую Старуху.

— Волк был голодный, а поросёнки такие вкусненькие!

Загадки любви

И для педагога, и для ребенка важно, чтобы взрослый пытался понять, почему малыш оценивает стихотворение, сказку, эпизод, образ, поступок не так, как мы. Почему, например, дети часто подражают персонажам отрицательным, неприятным для нас? Чем злые герои притягивают ребенка? (Почему детская любовь порой зла?).

Кстати, на примере непредсказуемых детских предпочтений видно, что художественное произведение воспитывает вовсе не темой, не событиями, о которых повествует, не наглядным примером. Если дитя-слушатель часто отворачивается от положительных героев и следует как раз дурному образцу, о каком воспитании "на положительном примере" может идти речь?

Это чутьем детского писателя уловил Григорий Остер. Его знаменитые «Вредные советы» не только остроумны и веселы, но и воспитывают куда эффективнее, чем наставления педагогов и родителей или назидательные детсадовские стихи и истории.

Но годовалому, двухлетнему "читателю" обычно вообще недоступна логика событий, а он почему-то с удовольствием слушает непонятные стихи и сказки.

Воспитывают ли ребенка непонятные ему произведения? Дают ли они малышу что-либо? Может быть, вообще не стоит читать стихи и сказки юному несмышленьшу?

Интересно бы узнать, что думают об этом читатели «Семейки».

(Редакция намерена в будущих выпусках альманаха продолжить беседы Вадима Левина о детском чтении и речевом развитии многоязычного ребенка. Мы будем благодарны Вам за отклики, сомнения и вопросы).